МНЕНИЕ 16.07.2018 | Ян Бурума

Оскорбление демократов и расхваливание диктаторов

Трамп – не реинкарнация Гитлера, но подобная модель поведения в прошлом приводила к тирании

Сравнивать современных демагогов с Адольфом Гитлером почти всегда неразумно. Подобный алармизм обычно превращает в банальность реальные ужасы нацистского режима и отвлекает внимание о наших собственных политических проблем. Но даже если этот алармизм и контрпродуктивен, все равно остается вопрос: а в какой момент демократия действительно оказывается в опасности? Еще пару лет назад было невообразимо, чтобы президент США оскорблял демократических союзников и расхваливал диктаторов, называл свободную прессу «врагом народа», сажал за решетку беженцев и забирал у них детей, а теперь это стало практически нормой. Когда будет уже слишком поздно подавать сигнал тревоги?

На эту тему были написаны великие книги. Шедевр Джорджо Бассани «Сад Финци-Контини» описывает жизнь буржуазных итальянских евреев при фашизме. Медленно, шаг за шагом, правовая и социальная петля затягивается вокруг этих образованных итальянцев, считавших свою комфортную жизнь и влияние некой данностью. Под самыми различными предлогами они отказываются признавать реальность. Отец рассказчика даже вступает в фашистскую партию, а богатые Финци-Контини обособляются от окружающих в своем все более узком семейном кругу. Гордыня и отсутствие воображения не позволяют им увидеть опасность, которая им грозит, пока не становится слишком поздно: их депортируют в лагеря смерти.

Человеческой неспособности увидеть грядущее посвящены и мемуары Себастьяна Хаффнера «История одного немца», написанные в 1939 году, через год после его отъезда из родной Германии. Хаффнер, позднее журналист и писатель, будучи студентом-юристом, оказался свидетелем того, как нацистская диктатура становилась смертельно опасной. Это процесс были таким же постепенным, как и преследование евреев в Италии. Хаффнер

видел, как его коллеги-студенты, ни один из которых не входил в партию нацистов, соглашались с каждым их шагом (расовые законы, отмена конституции и так далее), причем как раз потому, что все эти шаги формулировались на языке права. Казалось, что так и не наступит момент, когда они поймут, что линия нетерпимости уже пересечена и остается либо сопротивление, либо эмиграция. Хаффнер, который, кстати, не был евреем, это понимал; он уехал в тот год, когда начались поджоги синагог и изгнание евреев из их домов.

Знание истории помогает людям узнавать определенные модели поведения, которые в прошлом приводили к возникновению тирании

В большинстве случаев таких людей, как Финци-Контини, наверное, больше, чем Хаффнеров. Трудно спокойно спать, когда испытываешь тревогу. Жизнь намного проще, если мир вокруг представляется нормальным, хотя он уже стал каким угодно, но только не нормальным.

Люди прячут голову в песок самыми различными способами, и можно увидеть некоторые параллели между нашим временем и Европой начала 1930-х годов. Многие немецкие бизнесмены и промышленники были консерваторами, а не нацистами, но они считали, что могут жить и с Гитлером, пока они приносит им финансовую выгоду. Он был вульгарной выскочкой, а его манеры, возможно, были не самыми изысканными, но они, естественно, считали, что смогут его контролировать.

Знание истории помогает людям узнавать определенные модели поведения (например, атаки на независимость судебной системы), которые в прошлом приводили к возникновению тирании. Но историческая память, нередко смешанная с мифами, может также мешать людям видеть признаки того, что, возможно, грядет. В странах с демократической историей легко считать, что «здесь такого никогда не случиться», потому что «наши институты очень сильны», или потому что «наш народ слишком сильно любит свободу», или потому что он «слишком цивилизованный» и «слишком современный», чтобы скатиться в варварство.

Левые силы могут быть столь же зашоренными, как и консервативные. Не только коммунисты (действовавшие по инструкции Сталина), но и некоммунистические левые силы в Германии 1920-х годов отказались защищать хрупкую Веймарскую республику, когда она подверглась атаке со стороны правых. Коммунисты видели более серьезную опасность в социал-

демократах, чем в нацистах; а левые интеллектуалы отвлеклись на лицемерие и коррупцию в основных партиях, которые в реальности им следовало бы поддержать.

Дональд Трамп, возможно, и не является реинкарнацией Гитлера, но та уступчивость, с которой республиканцы принимают каждый его шаг в сторону от цивилизованных демократических норм, служит зловещим предзнаменованием. Таким же, как и разговоры в среде крайне левых о том, что якобы разница между Трампом, с одной стороны, и Клинтоном или Обамой, с другой, лишь в степени, а не в сути: Трамп просто демонстрирует зло неолиберализма более откровенным образом, чем это делали они. И в том, и в другом случаях конкретные угрозы, создаваемые нынешним крайне правым популизмом, недооцениваются или игнорируются.

Дональд Трамп, возможно, и не является реинкарнацией Гитлера, но та уступчивость, с которой республиканцы принимают каждый его шаг в сторону от цивилизованных демократических норм, служит зловещим предзнаменованием

Основные СМИ, которых подвергают столь острой критике, те самые «враги народа», по-прежнему сильны. Но их влияние слабеет. Публикации в газетах The New York Times или Washington Post имеют меньше значения, чем президентские твиты, которые напрямую попадают к миллионам людей, а затем повторяются в партийных радио- или телепрограммах.

В поляризованном общества политики, которые возбуждают толпу, используя страхи и недовольство, наверное, имеют больше шансов на успех, чем менее увлекательные фигуры, пытающиеся апеллировать к нашим способностям рационального суждения. Политические партии, выступающие против антилиберальных тенденций, оказались в крайне трудном положении. Если они отреагируют на молодежное недовольство и идеализм и сдвинуться слишком сильно влево, тогда они могут потерять базовых избирателей с центристскими взглядами. Если же они предпочтут центристских кандидатов, которые стремятся к реформам, а не радикальным переменам, тогда они могут потерять возбужденную молодежь.

Так или иначе, свободу надо защищать, а это возможно лишь тогда, когда четко ясны угрозы. Момент, когда люди перестают верить в то, что демагогам никто не позволит совершить худшее, на что они способны, – это тот момент, когда мы можем быть уверены: уже

слишком поздно.

(c) Project Syndicate

Ян Бурума
Нью-Йорк

Ян Бурума (Ian Buruma) - писатель и историк, профессор Бард-колледжа (США).